

ПѢХОТА.

Въ военной литературѣ послѣдняго времени часто затрагивался вопросъ о первенствѣ того или другого рода войскъ, но затрагивался этотъ интересный вопросъ какъ-то узко, матеріально. «Пѣхота обижена, хуже одѣта, пользуется меньшимъ почетомъ и вниманіемъ, больше всего работаетъ и менѣе награждаема» — вотъ лейтъ-мотивъ страннаго спора между родами войскъ. Все это, казалось бы, напоминаетъ сказку о томъ, какъ заспорили члены человѣческаго тѣла, если бы недостатокъ спайки и взаимнаго довѣрія не отражался сильно на войнѣ, и не приходилось бы за отсутствіе этихъ качествъ расплачиваться кровью и неудачами.

И вотъ пока мы споримъ о количествѣ земныхъ благъ, распределенныхъ между отдѣльными родами войскъ, французы посмотрѣли на дѣло глубже. «Пѣхота» Модюи представляетъ не тактику, а скорѣе философію пѣхоты, изслѣдованіе тѣхъ индивидуальныхъ свойствъ ея, изъ которыхъ уже вытекаетъ и дальнѣйшая ея дѣятельность на войнѣ.

«Пѣхота—вооруженный народъ; пѣхотинецъ—человѣкъ, ка-
кимъ его создалъ народъ; каждый народъ имѣетъ такую пѣхоту,

какую онъ заслужилъ; каковъ народъ—такова и пѣхота; чтобы понять пѣхоту, нужно начать съ изученія человѣка, такъ какъ сущность пѣхоты—человѣкъ, а не оружіе»— вотъ основныя положенія автора. Онъ начинаетъ съ изученія человѣка—его души въ связи съ функціями тѣла. Человѣкъ—индивидуумъ, толпа, войсковая часть, французы, французская толпа, французская войсковая часть—такова послѣдовательность. Что-то давно знакомое возникаетъ при чтеніи этого очерка. Разгадка ясна. Это все тѣ же геніальныя мысли Ardant du Picq'a изъ «Etudes sur le combat», «Войны и мира»—Толстого и «Психологіи толпы»—Lebon'a. Онѣ всѣмъ извѣстны. Авторъ лишь комментируетъ ихъ значеніе при современныхъ условіяхъ боя, болѣе продолжительнаго, требующаго отъ человѣка большей душевной выносливости, большаго противодѣйствія чувству страха. Но вотъ нѣсколько новыхъ, интересныхъ мыслей. Въ дѣлѣ обученія, воспитанія нужно базироваться на національный характеръ народа. Характеръ же этотъ въ сущности неизмѣняемъ. Галлы—временъ Римской имперіи по характеру тѣ же современные французы. Галль—весель, обществененъ, любитъ красивыя рѣчи, способенъ на кратковременный порывъ. Галлы воевали просто, не хитрили и легко попадались въ обманъ. Печальный французъ уже не настоящій французъ. Французы рѣдко пытались обмануть своего противника, знаменитыхъ партизановъ у нихъ не было. Подобно галламъ они открываютъ свои карты, обнаруживаютъ биваки, показываютъ колонны, твердо вѣря только въ свою храбрость и презрительно относясь къ врагу. Даже въ осадѣ Алезіи Юліемъ Цезаремъ и Парижа нѣмцами видно замѣчательное сходство въ дѣйствіяхъ галловъ и французовъ. Выводъ отсюда можетъ быть выраженъ словами фонъ-деръ-Гольца: «Только національная стратегія и тактика могутъ быть полезны для своего народа».

Слѣдуя тому же методу сравненія мы можемъ заключить, что славяне временъ Святослава и Владиміра Мономаха по характеру тѣ же русскіе, но авторъ не дѣлаетъ сравненія съ другими народами. Онъ лишь находитъ, что въ другихъ арміяхъ офицеру достаточно быть офицеромъ; французскій же офицеръ долженъ быть выше своей части и превосходство его должно быть признано солдатами. Если возьмемъ двѣ войсковыя части—русскую и французскую; оцѣнимъ ихъ достоинство въ среднемъ—10, а начальниковъ одинаково—15 баллами; цѣнность русской части тогда будетъ 12, а французской—18. Если же начальниковъ оцѣнимъ 5 баллами, то

цѣнность русской части будетъ 8, а французской—0. Добавить къ этому нечего, приходится лишь согласиться.

На этой основной данной — познаніи человѣка — Модюи строить всѣ дальнѣйшія разсужденія о пѣхотѣ и разсматриваетъ всѣ виды дѣятельности ея: походныя движенія, отдыхъ и охраненіе, бои. Даже историческіе примѣры изъ войны 1870 г. разсматриваются подъ угломъ того нравственнаго и физическаго состоянія, въ которомъ находились въ данный моментъ оба противника.

Такимъ образомъ, слѣдую методу изслѣдованія своего талантливаго предшественника, также командира полка и профессора военной академіи, Ardant du Picq'a, безвременно погибшаго въ 1870 г., авторъ считаетъ пѣхоту главнымъ родомъ войскъ, рѣшающимъ участь сраженія и войны. Во Франціи это мнѣніе установилось, видимо, прочно, ибо еще генераль Майяръ писалъ про пѣхоту: «когда она наступаетъ, слѣдомъ за ней является побѣда, и, когда отступаетъ—пораженіе близко».

Такъ какъ условія современнаго боя въ сущности одинаковы во всѣхъ культурныхъ странахъ, то это мнѣніе о пѣхотѣ можно отнести и къ намъ и ко всѣмъ другимъ народамъ. Естественно, какъ основной родъ войскъ, пѣхота не должна занимать худшаго положенія, чѣмъ кавалерія, артилерія и проч. Но въ томъ-то и дѣло, что здѣсь нужно считаться съ исторіей, традиціями и тѣми бытовыми условіями, которыя составляютъ особенность той или другой страны. Я позволю себѣ вкратцѣ напомнить тѣ историческіе этапы, которые проходила пѣхота въ своемъ развитіи.

Древняя пѣхота, греческая и римская, была главнымъ и почетнымъ родомъ войскъ. Право служить въ войскахъ было связано съ правомъ гражданства. Національная гордость и сознаніе общности интересовъ были главными факторами въ жизни тогдашняго солдата-гражданина. Даже въ вербованныхъ постоянныхъ войскахъ въ послѣдніе годы республики національное чувство было очень сильно. Рабы не были настоящими воинами, они составляли лишь свиту господъ-гражданъ. Малочисленная сравнительно кавалерія у грековъ-македонянъ и римлянъ состояла изъ тѣхъ же гражданъ, почему не было вопроса о какомъ-либо первенствѣ. Лишь со времени упадка древней пѣхоты возросло значеніе кавалеріи и тогдашней примитивной артилеріи въ видѣ машинъ-катапультъ. Съ паденіемъ пѣхоты вслѣдствіе общей порчи нравовъ и обращенія ея въ наемную разноплеменную толпу, служащую только за деньги,

пала и Римская имперія. Такимъ образомъ, равенство гражданъ передъ закономъ и между собою, глубокое сознаніе права и уваженіе къ традиціямъ и древней доблести дѣлали древнюю пѣхоту несокрушимою и почетною въ государствѣ. Ею, главнымъ образомъ, вписаны самыя блестящія страницы военного искусства грековъ и римлянъ.

Съ паденіемъ Римской имперіи и нашествіемъ варваровъ въ Западной Европѣ образовался рядъ мелкихъ государствъ, народы которыхъ, вслѣдствіе леннаго начала, дѣлились на господъ и подчиненныхъ, т. е. на кавалерію и пѣхоту, что было однозначущимъ. Синонимами стали слова: рыцарь и воинъ (*miles*), пѣхота и слуга (*fante, infante, footman*), т. е. кавалерія—войско, пѣхота—обозъ. Государственности настоящей въ сущности не было, и всѣ войны среднихъ вѣковъ носятъ авантюристическій характеръ. Малочисленная пѣхота, хотя и существуетъ, но она не играетъ никакой роли и пользуется общимъ презрѣніемъ. Господствуютъ лишь рыцари. Такимъ образомъ, социальное положеніе пѣхоты обуславливаетъ и ея военное значеніе.

Союзъ городовъ и поселянъ въ началѣ XIV вѣка создаетъ пѣхоту, уже не прежнюю, для обоза, а настоящую, побѣждающую рыцарей. Она явилась слѣдствіемъ возникающей государственности въ противовѣсъ безконечному числу независимыхъ и враждующихъ между собою бароновъ. Но настоящую эпоху въ развитіи пѣхоты составляетъ конецъ XV вѣка. Тогда-то швейцарская пѣхота «подобно Минервѣ, вышедшей во всеоружіи изъ головы Зевеса» (выраженіе извѣстнаго историка Рюстова) появляется изъ своихъ горныхъ долинъ, гдѣ поселяне сохранили независимость, смѣло и со славою противостоятъ рыцарямъ и одерживаетъ надъ ними побѣды. Это новое явленіе поражаетъ всѣхъ. Но это была не та пѣхота, которая формировалась изъ толпы мужиковъ и городской черни, согнанныхъ вслѣдствіе леннаго права, которая бѣжала за своими господами въ самомъ нестромъ и разнообразномъ одѣяніи и вооруженіи. Новая пѣхота образовалась изъ мужественныхъ людей, которыхъ влекло къ битвѣ не принужденіе, а защита собственныхъ земель и впоследствии жажда славы и денегъ, склонность къ веселой, буйной жизни. Ею и пользуется для своихъ цѣлей вновь образуемая монархія, ибо пѣхота, естественно, обходилась дешевле кавалеріи; боевой же опытъ показалъ, что ей доступны всѣ боевыя задачи и что нужно имѣть лишь сравнительно небольшую часть кавалеріи. Посте-

пенно она обратилась въ наемную, космополитическую пѣхоту, которая служила разнымъ королямъ и въ разныхъ государствахъ. И швейцарцы и появившіеся затѣмъ ландскнехты представляли свободныхъ, служащихъ лишь на основаніи договорнаго права, пѣхотинцевъ, на вербованныхъ только изъ свободныхъ же гражданъ. Мало-по-малу пѣхота все увеличивалась въ числѣ вмѣстѣ съ артилеріей, кавалерія уменьшалась. Но съ увеличеніемъ числа быстро падало качество, вслѣдствіе увеличивающагося спроса и вербовки худшихъ элементовъ.

Къ началу Тридцатилѣтней войны (въ началѣ XVII вѣка) военное ремесло считалось выгоднымъ и приняло авантюристическій характеръ. Въ принципъ было возведено—жить на счетъ страны и обогащаться. Кавалерія, какъ болѣе подвижный родъ войскъ, приобретаетъ поэтому главное значеніе. Шведскій король Густавъ Адольфъ, глава протестантской партіи, имѣлъ прекрасную, національную пѣхоту, но послѣ его смерти она обратилась въ наемную, разноплеменную толпу. Въ главнѣйшихъ сраженіяхъ этой войны (при Брейтенфельдѣ—1632 г. и Люценѣ—1633 г.) рѣшающее значеніе принадлежитъ кавалеріи.

Тридцатилѣтняя война подорвала жизненную силу народовъ Западной Европы. На развалинахъ прежнихъ общинъ возникла абсолютная монархія. Тогда же и явились первыя постоянныя, хотя и вербованныя войска—гвардія. Обстоятельства, при которыхъ развилась новая монархія на западѣ, повлекли къ неуваженію человѣческаго достоинства, особенно низшихъ сословій. Личность потеряла значеніе и низведена была лишь на степень матеріала для нуждъ государства. Отсюда унижительное обращеніе и наказанія въ арміи. Система осталась прежняя, вербовочная. Несмотря на крайнюю неразборчивость при приѣмѣ рекрутъ, охотниковъ все же недоставало. Тогда Людовикъ XIV и Фридрихъ Вильгельмъ I установили въ дополненіе къ вербовкѣ еще обязательную службу для крѣпостного сословія. Рабское положеніе солдата, способствовавшее чрезвычайному дезертирству, создало особую линейную тактику, которая въ связи съ магазинной системой доволства царилъ въ Западной Европѣ вплоть до французской революціи. Положеніе пѣхоты стало опять унижительнымъ, несмотря на значительное количество ея и на то, что офицеры были преимущественно дворяне. Фридрихъ Великій весьма презрительно относился къ ней и даже артилерію терпѣлъ, какъ необходимое зло. Зато кавалерія при немъ, комплектовавшаяся изъ лучшихъ эле-

ментовъ, коренныхъ пруссаковъ, достигла въ своемъ развитіи полнаго расцвѣта. Въ Семилѣтней войнѣ она составляла нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$ всей пѣхоты; къ концу же царствованія Фридриха соотношение это выражалось $1:3\frac{1}{2}$. Это былъ золотой вѣкъ конницы: она царила на поляхъ сраженій, нанося громовые удары подъ Россбахомъ, Лейтеномъ. Линейная тактика была немыслима безъ многочисленной лихой кавалеріи.

Французская революція, явившаяся протестомъ личности противъ всепоглощающей идеи государства, составляетъ уже новѣйшую эпоху въ исторіи военного искусства. На сцену выступаетъ вмѣсто забитаго палкой капрала и непрерывной муштрой солдата-автомата французскій солдатъ-гражданинъ. Войны слѣдовали непрерывно. Учиться хитроумной тактикѣ Фридриха Великаго, господствовавшей тогда въ Европѣ, было некогда. Европейской военной выучкѣ французы могли противопоставить только свое патріотическое воодушевленіе и желаніе побѣдить или умереть. Эти революціонныя войска, дѣйствовавшія въ сущности безъ всякой тактики или опредѣленнаго боевого порядка, тѣмъ не менѣе имѣютъ успѣхъ противъ войскъ коалицій въ первые же годы революціи. Это новое явленіе такъ же поразило всѣхъ, какъ въ свое время побѣда швейцарской пѣхоты надъ рыцарями. Значеніе пѣхоты здѣсь, естественно, сразу необычайно возросло. Общественной разницы не было. Подобно тому, какъ въ древнемъ Римѣ, всѣ равны, всѣ граждане. Въ тактическомъ же отношеніи пѣхота являлась основнымъ и наиболѣе многочисленнымъ родомъ войскъ. Однако, внезапный успѣхъ комплектуемой на новыхъ началахъ арміи не могъ быть продолжительнымъ. Въ ней была другая крайность, пожалуй, еще болѣе опасная—это отсутствіе управленія, слишкомъ большая инициатива каждому бойцу. Но въ это время явился Наполеонъ и гениемъ своимъ внесъ въ это воодушевленное, но хаотическое войско стройность и управленіе.

Такимъ образомъ, комплектуемая на новыхъ началахъ, усвоившая принципы глубокой тактики, новая французская армія въ теченіе почти 20 лѣтъ побѣдоносно бороздила поля Европы. Сломить ее удалось непрерывнымъ коалиціямъ тѣмъ же оружіемъ, т. е. усвоеніемъ тѣхъ же началъ комплектованія въ строго національномъ духѣ и принциповъ глубокой тактики, которые остаются и до сихъ поръ.

Уже тогда было ясно, что пѣхота, естественно, является основнымъ и наиболѣе многочисленнымъ родомъ войскъ, такъ сказать,

ядромъ арміи. Наполеонъ требовалъ, чтобы кавалерія составляла лишь $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ пѣхоты. На самомъ же дѣлѣ при быстромъ ростѣ арміи этого никогда не было. Соотношеніе обыкновенно колебалось отъ $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{10}$ и менѣе. Однако, при несовершенствѣ тогдашняго оружія, кавалерія все еще являлась тѣмъ молотомъ, который во многихъ случаяхъ рѣшалъ судьбу сраженія. По традиціи служить въ кавалеріи было и дороже и почетнѣе. Но о презрѣніи къ пѣхотѣ уже не могло быть и рѣчи. Сила ея и значеніе не могли быть оспариваемы.

Мы видимъ, что значеніе пѣхоты и тактика ея на всемъ протяженіи исторіи обуславливались социальными и экономическими причинами. То она занимаетъ почетное положеніе, напр., въ древней Греціи и Римѣ, то низводится на степень презрѣнной «сволочи» (слово это такъ же, какъ «подлый» людъ, еще сто лѣтъ назадъ не было ругательнымъ, а нарицательнымъ для низшихъ сословій), то опять возрождается (швейцарская пѣхота), снова падаетъ и презирается (Тридцатилѣтняя война, Фридрихъ Великій), и, наконецъ, къ началу XIX вѣка занимаетъ соотвѣтственное, но все же нѣсколько низшее положеніе сравнительно съ кавалеріей. Оружіе до этихъ поръ, въ виду малаго его совершенства, вліяло лишь на тактику пѣхоты, ея строи, но не на роль, отводимую ей въ военномъ дѣлѣ. Въ общемъ упадокъ и возрожденіе пѣхоты, а также соотвѣтственно этому военное значеніе ея въ связи съ социальнымъ положеніемъ, происходили скачками. Можно отмѣтить, однако, что пѣхота возрождалась во время подъема культуры и національнаго сознанія народа, и, наоборотъ, падала разъ только эти данныя отсутствовали. Исключеніе составляетъ, казалось бы, эпоха такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма (Фридрихъ Великій, Людовикъ XIV), но послѣдствія показали, что это былъ въ сущности ложно-просвѣщенный абсолютизмъ. По крайней мѣрѣ преемникамъ этихъ замѣчательныхъ монарховъ досталось столь тяжелое наслѣдство, что приведеніе его въ порядокъ стоило потоковъ крови.

Здѣсь не пріяты во вниманіе, сравнительно съ пѣхотой, артилерія и инженерныя войска. Дѣло въ томъ, что до XVIII столѣтія это не были войска въ современномъ смыслѣ слова, а скорѣе цехъ. Даже Фридрихъ Великій терпѣть не могъ артилеріи вслѣдствіе ея громозкости и терпѣлъ ее, какъ необходимое зло.

Въ Россіи военное искусство развивалось иначе, чѣмъ въ Западной Европѣ. Подобныхъ скачковъ отъ упадка къ возрожденію,

отъ кавалеріи къ пѣхотѣ, у насъ не было. Наши войска всегда были строго національны. Слѣдовательно, не могло быть и подраздѣленія эпохъ, когда солдатъ являлся наемникомъ или рабомъ и свободнымъ гражданиномъ. Военская повинность въ сущности существовала уже въ собирательный періодъ Руси, когда служилые люди-дворяне должны были являться по первому призыву «коннымъ, люднымъ и оружіемъ». И тогда и послѣ Петровскихъ реформъ пѣхота была у насъ наиболѣе многочисленнымъ и основнымъ родомъ войскъ. Служба въ кавалеріи, какъ болѣе дорогое родѣ войскъ, не всѣмъ доступное, естественно, считалась почетнѣе, но никогда у насъ не существовало мнѣнія, что кавалерія — оружіе боговъ, а пѣхота — презрѣнная чернь.

Временныя подражанія прусскому образцу при Петрѣ III и Павлѣ I не оставили глубокихъ слѣдовъ, и ко времени французской революціи наши войска выгодно отличались отъ австрійскихъ и прусскихъ своимъ строго національнымъ духомъ. Не это ли была одна изъ причинъ побѣдъ Суворова въ 1799 г., а также того необыкновеннаго упорства, которое проявили мы въ борьбѣ съ Наполеономъ? Во всякомъ случаѣ французы встрѣтили въ насъ единственно достойныхъ противниковъ, никогда не терпѣвшихъ такихъ разгромовъ, какъ австрійцы и пруссаки, а, наоборотъ, въ концѣ концовъ сломившихъ геніальнаго полководца.

Послѣ Отечественной войны военное искусство Европы находится подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: непрерывнаго роста армій и необыкновеннаго развитія техники. Ростъ армій совершается, главнымъ образомъ, за счетъ пѣхоты; развитіе же техники требуетъ увеличенія и созданія новыхъ специальныхъ войскъ. Комплектованіе послѣднихъ требуетъ лучшихъ людей-специалистовъ; офицеру нужно быть въ то же время и техникомъ, больше учиться. Отсюда болѣе привилегированное положеніе специальныхъ войскъ. Даже вооруженіе нѣкоторой части пѣхоты — стрѣлковъ лучшимъ ружьемъ (Бердана) въ 70-хъ годахъ дѣлаетъ ихъ уже специальнымъ родомъ войскъ, тогда какъ казалось бы логичнѣе вооружить всю пѣхоту наиболѣе современнымъ оружіемъ. Кавалерія же попрежнему остается болѣе почетнымъ родомъ войскъ, чѣмъ пѣхота. Однако, вслѣдствіе усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія и значительной растяжки фронта полей сраженій, кавалерія уже не является тѣмъ молотомъ, который при Фридрихѣ Великомъ и Наполеонѣ рѣшалъ судьбу сраженія. По крайней мѣрѣ многочисленныя лихія атаки съ обѣихъ сторонъ въ 1870 г., въ томъ числѣ и

знаменитая атака Бредова, не приводили къ рѣшительнымъ результатамъ, а скорѣе представляютъ лишь отдѣльные, незначительные эпизоды боя. Зато неумѣнье вести развѣдку даетъ себя сильно чувствовать.

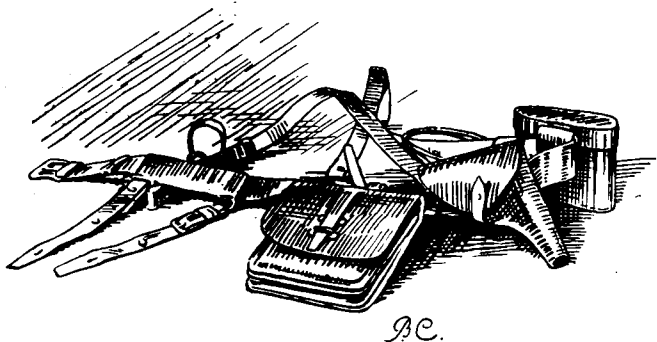
За послѣднія 40 лѣтъ техника сдѣлала гигантскіе успѣхи. Необыкновенно возросли арміи и растянулись поля сраженій. Картинность исчезла. Полководцу, который захотѣлъ бы à la Napoléon стоять на возвышеніи съ биноклемъ и, наблюдая за полемъ сраженія, управлять войсками, не слѣдуетъ давать въ командованіе даже дивизіи, ибо ясно, что онъ не понимаетъ современной войны. Пусто кругомъ и лишь медленное передвижаніе одиночныхъ людей или группъ, да громъ выстрѣловъ характеризуютъ современное сраженіе. Тутъ обширное поле дѣятельности для пѣхоты, нѣсколько меньшее, но необходимо связанное съ пѣхотой для специальныхъ войскъ и ничтожное для кавалеріи. Нѣтъ болѣе сомкнутыхъ массъ; громовыхъ картинныхъ ударовъ быть не можетъ. Даже принципъ сосредоточенія силъ въ рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту совершенно видоизмѣнился и долженъ быть замѣненъ сосредоточеніемъ искуснаго огня на опредѣленномъ, иногда значительномъ пространствѣ. Поэтому самая успѣшная атака кавалерійской массы будетъ имѣть значеніе лишь на небольшомъ участкѣ и составитъ лишь незначительный эпизодъ всего боя. Зато кавалеріи достаточно дѣла на флангахъ и въ тылу, а также при развѣдкѣ. Здѣсь, конечно, не будетъ картинности, но польза несомнѣнна. При сложности и тягучести современнаго боя на долю пѣхоты приходится много труда и умѣнья. Искусно управлять огнемъ и маневрировать уже не такъ просто, какъ въ доброе старое время—нѣсколько залповъ и движеніе скорымъ шагомъ въ атаку. Современная пѣхота можетъ считать себя поэтому специальнымъ родомъ войскъ, на долю котораго приходится теперь больше думать, чѣмъ двигаться.

Послѣдняя война доказала, что наиболѣе трудныя задачи выполнялись пѣхотой. Долгъ свой она исполнила. Въ мирное время это часто забывается и масштабъ для оцѣнки здѣсь нѣсколько другой, особенно если принимается наше общественное мнѣніе. Поэтому пѣхота естественно считаетъ себя обиженной худшими условіями службы сравнительно съ кавалеріей и специальными войсками. Нѣкоторыя причины такого неравенства я уже указывалъ, ссылаясь на исторію, традиціи. Теперь нужно коснуться еще бытовыхъ условій. Сама по себѣ служба въ пѣхотѣ тяжелѣе, чѣмъ въ

кавалеріи и спеціальныхъ войскахъ. Отсюда всё, у кого есть возможность по способностямъ ли или другимъ причинамъ, стараются служить не въ пѣхотѣ. Такъ во всѣхъ арміяхъ. У насъ же, кромѣ того, до послѣдняго времени степень образованія офицеровъ спеціальныхъ войскъ и пѣхотныхъ была различна. Многочисленность пѣхоты и неоднородный составъ офицеровъ способствуетъ тому, что условія прохожденія службы послѣднихъ менѣе благопріятны, чѣмъ въ спеціальныхъ войскахъ.

Сила традицій извѣстна. Въ гражданскомъ обществѣ, вѣроятно, долго еще будетъ существовать мнѣніе, что служба въ кавалеріи особенно почетна, что служба въ спеціальныхъ войскахъ есть почему-то признакъ учености, а въ пѣхотѣ—чуть не тупости. Мало ли какія превратныя мнѣнія существуютъ въ нашемъ обществѣ! Считаться съ ними—безполезный трудъ. Рознь же въ арміи между родами войскъ дурной симптомъ. Только пониманіе работы на войнѣ каждаго изъ нихъ обезпечить взаимное уваженіе и согласованность. Роль же пѣхоты несомнѣнно возрасла послѣ японской войны. Приходится вполнѣ согласиться со словами генерала Моджи, что только народы, обладающіе хорошей пѣхотой, могутъ имѣть продолжительный успѣхъ въ исторіи; только пѣхота можетъ доставить имъ этотъ успѣхъ и возможность удержать его за собою.

Ж. П—овъ.

В. С.